

АНТИФА: ЭКСТРЕМАЛЫ В РОССИИ

*Все что вы читаете, может быть
использовано против вас.*

**АВТОНОМНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2012Г**

Содержание:

Пять лет борьбы.....	3
Страх перед насилием, как легитимность государства.....	14
В серии нацистских нападений погиб сам нацист.....	24
Аполитичный антирасизм.....	35

Тираж: чем больше, - тем лучше

Типография: где подешевле

Бумага: на которой придётся

ПЯТЬ ЛЕТ БОРЬБЫ

Близкое окружение спрашивало меня в недоумении: «Какое тебе дело до нацистов, ну бьют они неформалов и бесправных иностранцев?». Конечно, я начал борьбу не потому, что мне стало жалко тех, кто внешне явно отличался от меня, я начал борьбу совсем по иным мотивам. Как анархист я предполагал развитие движения от проведения демонстраций до создания социальных центров, и, естественно, не хотелось, чтобы это омрачалось нацистскими нападениями. А, как известно, лучшая защита — это нападение. Мы (социальные активисты) были лишь песчинкой в обществе, но мы хотели, чтобы нацисты знали, что если они сунутся к нам, то получат достойный отпор. Мы не будем разбегаться при виде бритоголового нациста, а наоборот, будем объединяться и брать в руки всё, что попадется: от арматуры и бутылок до ножей и стволов.

Задача, показать уязвимость бритоголовых нацистов, стояла пять лет назад. Чтобы это показать, мы намеренно пошли на физическую конфронтацию против них, мы не стеснялись заявлять о том, что мы против, у нас иные взгляды и другое представление о мире. Мы их спровоцировали, они повелись и получили отпор. Мы стали их бить, тем самым подорвали миф об их бесстрашии, силе и неуязвимости. Нацисты

стали осторожней и лишний раз не нападают. Мы заявили о себе, но люди не стали вести самостоятельную борьбу с ними.

Мы боролись, чтобы показать пример другим, но получилось все наоборот. Борьба свелась к противостоянию антифашистов нацистскому насилию. То есть мы не смогли донести до людей, что независимо от того, причисляешь ты себя к «антифа» или нет, если ты сталкиваешься с нацистским насилием — ты должен ему противостоять. Нацисты чаще нападают не на тех, кто считает себя антифашистом, а на тех, кто не может дать отпор.

Первая волна привела нас к «субкультурному антифашизму», который стремился мобилизовать людей, сталкивающихся с нацистским насилием. Если с «приезжими» мы не смогли найти общий язык, а полицейский террор для них был опасней, то они и не включились в антифашистское движение. Мы смогли только частично закрепиться в субкультурах, которые также подвергаются нападению. Но субкультура поспешила разделиться на «аполитичных» и антифашистов. Аполитичная субкультура заявила о своей непричастности и дружбе со всеми, даже с теми, кто раньше их избивал, только ради того, чтобы их не трогали, пока существуют антифашисты.

Следующая волна антифашистского

движения связана с попыткой выйти на массовый уровень. Чтобы увидеть провал таких намерений, стоит понимать, что бритоголовые нацисты в большинстве своем — это маргинальные группы, не затрагивающие большую часть населения и выставляющие отвлеченные требования, которые без сильной госпропаганды не имеют никакого шанса. Невозможно бороться с маргинальной группой на массовом уровне.

«Массовый антифашизм» стал бесформенным, без понимания, что делается и зачем, в нем размылись анархические принципы и социальная направленность, и он все больше склоняется к либерально-правововому.

При стремлении выйти в массы стоило обозначить проблему нацистского насилия на общественно значимом уровне, показать, что маргинальная проблема опасна для всего общества. Такая позиция привела к тому, что нацисты из маргинальных группировок превратились в политический элемент, но не как самостоятельная политическая сила, а как хорошая «палочка-выручалочка» для власти.

Основная попытка рассказать обществу об антифашизме через корпоративные СМИ свелась к проблеме нацистского «террора». Все антифашистское движение заговорило о нацистской угрозе, против которой все средства хороши. «Антифашизм с кулаками», как средство

противостояния нацистским нападениям, был решением проблемы небольших социальных групп, сталкивающихся с ним. Из-за пропаганды нацистского «террора» нацисты превратились в политических игроков. Свою роль они сыграли в Ангарске и Химках, и в продвижении нужных законов.

Мало кто задумывается и говорит о том, что центр «Э», который так ненавистен антифашистам, есть результат антифашистской пропаганды нацистского «террора». Ведь перед созданием центра «Э» был принят ряд законов о борьбе с экстремистами, закон о разжигании социальной вражды и прочее. «В борьбе с нацистами все средства хороши» — этот лозунг стал основным для «массового антифашизма» и даже стал обращением к государству для борьбы с нацистской угрозой. Государство, естественно, нашло решение проблемы нацистской угрозы в виде создания центра «Э».

При «субкультурном антифашизме» были апелляции к государству, но это делалось не из желания наказать нацистов законом, а для создания легитимности физической борьбы с ними. Когда государство не наказывало и не преследовало нацистов, то оно тем самым оправдывало нас и нашу борьбу с кулаками в глазах общества.

Раскрытие нацистского «террора» приводит к

пиару самих нацистов. Подтекст в том, что нацисты решительны в реализации своей программы и готовы любыми средствами добиться цели. Такой «чёрный пиар» делает нацистам «рекламу» лучше, чем все попытки нацистских организаций себя раскрутить. Это делает нацистов еще и социально активной «оппозицией». И только нацисты отойдут от своей национальной узости к более широким социальным проблемам, общество, благодаря такому пиару, увидит в них решительную силу.

Сама по себе тактика раскрутки маргинальной проблемы на общественном уровне привела к «антифашизму в себе», замкнутому на себе. Он раскручивает проблему, а потом с ней же начинает бороться кулаками и законом.

Превращение антифашистского движения в массовое общественно важное социальное направление приводит к тем последствиям, когда количество вредит качеству. Ради того, чтобы антифашистское движение было массовым, наплевали на социальные анархические принципы. И теперь можно наблюдать, как в таком компоте варятся все: от «новых правых» с патриотами до анархистов. Это приведет к тому, что националистическое и патриотическое движение приобретет образ, приемлемый для общества в виде антифашизма. Когда мы не

обращаем внимания на качество, то мы не задумываемся о том, что большинство приходящих в антифашистское движение людей с ксенофобско-патриотическим настроением не меняют свое представление о социальном устройстве общества. Естественно, что они считают ксенофобию и патриотизм нормой, и это впоследствии отразится на деградации движения. Что, в принципе, мы постепенно и видим.

Удивительно в такой массовой размытости наблюдать, как антифашисты стараются отобразить у нацистов их тематику (национальность, патриотизм). При условии, что нацисты уже сами отбрасывают такую тематику и, наоборот, стараются копировать левый имидж. А более толковые завязывают с «бонизмом» и переходят к социальной борьбе, как, например, приморские борцы с беспределом ментов. Будет неудивительно, когда боны будут нападать с криками: «За анархию!», а шарпы (SHARP — скинхеды—антирасисты, прим. ред.) с криками: «За Россию!». Отбирать у нацистов то, что их самих завело в тупик, абсурдно.

ДПНИ из-за своей умственной ограниченности не смогли понять, что лучше назвать себя «русскими антифашистами» и получить серьезную общественную поддержку. Они попытались выставить антифашистов как антирусских фашистов, тем самым приравняли к

фашистам себя. Но именно в «русский антифашизм» превращается антифашистское движение.

Мы должны понимать, что движение должно иметь свою социальную ориентацию и не жертвовать ею ради массовости. Ведь во время «субкультурного антифашизма» нас было меньше, чем нацистов, но нам это не мешало бороться. Мы брали тактикой, а не массой.

Все средства хороши в борьбе с нацистами, но борьба заиклена только на маргинальных бритоголовых нацистах, которые социально импотентны. Нацисты с социальной потенцией уже давно у власти и реализуют националистические программы. Мало кто беспокоится, что власть реализует программу «новых правых», а угрозой считают только последователей *Mein Kampf*.

Антифашистское движение не может противодействовать госпропаганде. Для этого требуется социальная ориентация всего антифашистского движения, а как мы видим, оно настолько размыто, что такую пропаганду смогут поддержать даже те, кто себя называет антифашистом.

Для того чтобы изменить положение дел в антифашистском движении, нам потребуется наша революционная решительность. «Да, нужно оказаться на ножах с собственной

уступчивостью, усталостью и бессилием, а уж затем — на ножах со всем существующим».

«Антифашизм в себе» не имеет никаких преимуществ, нам необходимо перейти к «антифашизму для себя», чтобы в обществе в преддверии кризисной ситуации не преобладали националистические настроения. Такие настроения приведут к власти не бритоголовых, а сохранят имеющуюся власть (не конкретных персон, а сам институт власти).

Подводя итоги:

В «субкультурном антифашизме» ошибка заключалась в том, что мы превратились в подобие антифашистского боевого отряда, который очищает город от нацизма. Надо вести борьбу, защищая свое социальное пространство, чтобы человек, глядя на нас, понимал и ощущал в таком пространстве социальную безопасность. Конечно, нацистские нападения могли бы быть, но сражаясь и получая физические увечья, ты получаешь внутреннее спокойствие. Это лучше, чем всегда быть готовым убежать и, не успев, получать увечья. Важно, чтобы именно пример борьбы воспринимали социальные группы, подвергающиеся нацистским нападениям. Это смогло бы предотвратить «тимуровский» антифашизм и хоть немного подтолкнуть социальные группы к самостоятельности, к ориентированию на собственные силы, а не на

помощь извне.

В таком антифашизме мы преуспели в укреплении позиции физического отпора, как метода эффективной борьбы. Теперь мало кто оспаривает физическую конфронтацию с бритоголовыми нацистами, хотя она и уменьшилась (вероятней всего из-за внутренних противоречий среди нацистов). А пять лет назад в антифашизме приходилось отстаивать позицию силы. Силовой антифашизм остается неплохой практикой для большинства подростков. Какой антифашист теперь ходит без средств самозащиты?

От такого не стоит отказываться, а, наоборот, противоборство нужно расширять в социальном направлении, не только против нацистов, а против всех тех, кто подавляет твою жизнь.

В «массовом антифашизме» стоит полностью отказаться от раскрутки проблемы нацистской угрозы и поставить эту проблему наравне с другими угрозами для общества, например, с полицейским или уличным беспределом. Пусть на общественном фоне антифашизм поблекнет, но он будет актуален среди тех, кто сталкивается с нацистскими нападениями. А искоренить нацизм невозможно без уничтожения капитала и государства, об этом стоит помнить всегда. И в таком случае не все

средства хороши. Если нацизм в обществе маргинальный и незначительный, то и антифашистское движение будет оставаться таким же, затрагивающим небольшой круг социальных групп.

Такое направление антифашизма должно сосредоточиться на антиксенофобской теме в обществе. Сначала это оттолкнет людей, но, если не начать сейчас, то ксенофобия в обществе станет нормой. И, конечно, антиксенофобская тема должна сосредоточиться не на том, что нации должны друг друга полюбить, а на том, что национальность не играет никакой роли в социальных проблемах. Например, вас обманывают торгаши и спекулянты, а не национальности; преступления совершаются из-за социальных трудностей, а не национальной склонности; а приезжих рабочих нанимают не потому, что они хотят у вас работу отобрать, а потому что они бесправны и не могут потребовать хорошую зарплату. Стоит бороться не с «понаехавшими», а за повышение условий труда для всех рабочих независимо от гражданства. Антифашистское движение должно не раскручивать нацистскую угрозу на массовом уровне, а массово бороться с ксенофобией в обществе.

И, говоря о том, что государство не борется с нацистами, надо напирать на то, что у нас у самих

есть способ решения проблемы, а не требовать наказания по законам государственного правосудия.

Из практики мы знаем, если нападениям, физической угрозе и убийствам не противостоять равной по значению физической силой, то это обязательно приведет к насилию. И пусть юные антифашисты и антифашистки получают такой урок в антифа-движении, а потом реализовывают его социально.

И напоследок, лучше один раз получить по лицу, чем всю жизнь бояться по нему получить!

И все же: «почему я начал борьбу с фашистами?»

А разве было плохо помахать кулаками не в пьяном дебоше, а ради социальной справедливости? И при этом получить хороший жизненный опыт: если ты сам не борешься за лучшие условия жизни, если ты сам не создаешь и не защищаешь их, ты обречен жить в нищете и страхе.

МУ

написал для антифашистов

СТРАХ ПЕРЕД НАСИЛИЕМ, КАК ЛЕГИТИМНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

“Насилие” стало распространенным пугалом, это слово применяют везде, где нужно вызвать страх и панику у людей. Люди заявляют: «У вас хорошие цели, но мы против насилия».

Слово “насилие” вызывает больше путаницу и непонимание, чем что-либо конкретизирует.

Слово “насилие” - удобная формулировка манипуляции в интересах государства, когда требуется очернить кого-либо или отпугнуть от кого-либо. Когда активисты-пацифисты обвиняют радикальных активистов «в чрезмерном насилии», то они больше играют на руку власти. В «дворовых понятиях» пацифисты - это хлюпики. И это не форма оскорбления или унижения, это просто реальная действительность наших улиц.

Стоит попытаться прояснить понятие «насилие» и какую долю насилия совершают анархисты.

В первую очередь анархистов обвиняют в насилии, когда они совершают саботаж. Поджог машин, особенно полицейских, разрушение капиталистических заведений, coffee или fast food, погром банков или офисов – это форма саботажа. Саботаж – это не насилие, не возможно против неодоушевленных предметов осуществлять насилие. Битье витрин или поджог

банкоматов – это никак не насилие. Это обычный политический ущерб капитализму или саботаж.

У саботажа есть свое значение и роль в анархическом движении, а в социальной борьбе - это другая тема. Но в защиту метода саботажа стоит сказать, что в действительности капиталистическая собственность застрахована и разрушенное капиталистическое имущество окупается страховыми компаниями. Это возможно, когда саботаж происходит раз в год, если не в пятилетие. Такая форма саботажа, естественно, покрывается страховкой за все издержки и разрушения. Саботаж эффективен только тогда, когда он регулярен. Активисты восхищаются саботажем рабочих 19 века на заводах, но при этом отрицают этот метод сейчас. Разве поломанные станки и разрушенные предприятия буржуазия потом не восстанавливала за счет тех самых рабочих, которые и осуществляли саботаж? Но метод борьбы саботажем был и остается эффективным. Страховые компании - это попытка капитализма за счет рабочих в будущем покрыть издержки в результате саботажа.

Нас, анархистов, называют хулиганами. Да, мы политические хулиганы, потому что прямое действие в обществе законов будет или хулиганством или терроризмом, в зависимости от количества нанесенного материального ущерба.

У нас, анархистов, нет цели уничтожить людей даже целого класса. Если в результате прямого действия страдают люди, то это не закономерность, а случайность. Если кто-то готов убивать людей только из-за одетой на них формы или за ношение “галстука”, то этим он ничем не отличается от нацистов, которые готовы убивать людей из-за цвета кожи, разреза глаз и структуры волос.

Власти пытаются очернить саботаж, применяемый анархистами на улицах при прямом действии, и представить его как насильственный акт. Очень часто такое заблуждение можно встретить и среди активистов, сторонников пацифизма.

Насилие - это применение физической силы против человека, группы или сообщества, при условии, что ему нет противодействующей физической силы. Насилие – это монополия на физическую силу. Насилие - это когда одна сила больше, чем противодействующая ей сила, $F > -F$. И чем эта разница больше, тем более агрессивна форма насилия. Справедливое общество будет существовать, когда физическая сила будет всегда иметь противодействующую ей силу, когда $F = -F$. Основным монополистом физической силы является государство. Именно поэтому самая основная агрессия насилия исходит от

государства и государственных учреждений, как армия и полиция. Это законная форма насилия.

Одностороннее применение силы – это форма проявления насилия.

Полиция может в одностороннем порядке применять силу против людей, и она защищена законом, который она же и защищает. Государство – это главная форма насилия, которая защищена законом, который защищается с помощью насилия, применяемым этим же государством.

Случай, когда должностные лица отвечают за свои действия своей жизнью, являются не актом насилия, а актом противодействующей силы. Генерал, который посылает солдат на войну и отдает приказ бомбить мирных жителей, проявляет акт насилия, за который он в ответе. Он в ответе не за то, что одет в униформу и на нем погоны. Полицейский подвергается акту возмездия не за то, что он носит форму, а за то, что в отделении избивает людей, например. Пацифисты, которые выступают против насилия, на деле льют больше воды на мельницу насилия, так как если государство стремится монополизировать физическую силу, то пацифисты стремятся уменьшить силу, противодействующую государству. Таким образом, уравнение $F > -F$ превращается в $F \gg \gg -F$, когда одна сила во много раз больше силы

противодействующей, что позволяет проявляться насилию еще сильнее и агрессивней.

Справедливость и равновесие в обществе возможны будут в том случае, если на любую физическую силу будет существовать противодействующая ей сила, когда $F=-F$. Подрыв государства и его разрушение должны начинаться с лишения учреждений, основанных на одностороннем применении силы, монополистической власти на физическую силу.

Государство укреплялось всегда с помощью обезоруживания людей. Большевики с захватом власти начали обезоруживать людей, что позволило проводить политический террор, названный «красным террором». Политический террор, возможно, осуществлять тогда, когда обезоруженные люди будут не способны оказывать отпор.

«Зуб за зуб, око за око, кровь за кровь» выражается в субъективной форме. Уже древние племена понимали значение уравниловки сил в обществе. Когда бьют тебя, бей и ты, когда стреляют в тебя - стреляй тоже, бьют тебя по зубам - бей в ответ по зубам, режут тебя - режь их в ответ. Тут не имеет значение, выбили зуб тебе или нет, главное бить тогда, когда бьют тебя. Защищаться от бандитов и криминальных элементов проще потому, что против них можешь применить такую же силу. В то время

как против полиции ты не сможешь применить силу, так как это считается покушением на должностное лицо. Именно поэтому люди в погонах более страшны, когда они расстреливают людей в супермаркете или избивают в отделении, - нет права защищаться.

Это заблуждение, что против полиции должно существовать народное ополчение или дружина. Народная или общественная дружина существует как противодействующая сила полиции, государственной силе, но с упразднением полиции и уничтожением государства дружина и народное ополчение станет монополистом в применении физической силы. И какой бы справедливой, честной, открытой или подконтрольной не была дружина, как только одна сила увеличивается, она становится одной из форм насилия. И мы вернемся к тому, с чего начали: никаким организациям, объединениям и формированиям мы не должны доверять одностороннее использование физической силы.

Я за то, чтобы я мог использовать физическую силу, но я так же и за то, что любой, против кого я начинаю применять физическую силу, мог с таким же успехом воспользоваться ею.

Люди в древности своей защитой считали клинок, в то время как современное общество

правом личной защиты наделило другого человека. Это позволило одним людям использовать силу, а других этого права лишило.

Очень часто люди стремятся приравнять антифашистов к нацистам, обвиняя их в насилии. Но они не углубляются в суть проблемы.

Нацизм в стране развился за счет того, что против нацистских нападений не было организовано своевременного силового отпора. Если бы тем молодым бонхедам своевременно давали по морде, то мы не имели бы проблему под названием нацизм. Но именно страх перед нацистами породил развитие нацизма на наших улицах. Уличное насилие, которое творят нацисты возможно только тогда, когда они в одностороннем порядке применяют физическую силу, не получая должный и равный отпор. Никто не вспоминает, что было на улицах пять лет назад: от слова «нацист» разбежалась молодежь. Именно в то время родился такой анекдот: «Сколько требуется бонхедов, чтобы разбежалась толпа скейтеров? – Один».

За пять лет все изменилось, нацисты потеряли монополию на физическую силу на улицах. Не малую роль в этом сыграли те самые боевые антифашисты, которых сейчас обвиняют в использовании насилия и сравнивают с нацистами.

Антифашисты становятся сторонниками

насилия тогда, когда начинают массово применять физическую силу против всех, кто их не устраивает, лишая тем самым возможности на отпор и противодействие. Так же и с уличным насилием. Например, с гопниками. Причина гопничества в том, что существуют хлюпики, которые не применяют силу, когда у них отбирают часы, телефон, деньги и другие вещи. Именно за счет того, что гопник может пугать применением силы, а с другой стороны человек боится применить силу, рождается уличное насилие.

Антифашизм, оставаясь политическим действием и имея единственную цель - противодействие нацистскому террору, рано или поздно станет насилием, так как при ослаблении нацистского террора, антифа начнет монополизировать силу в своих группировках. Антифашистское действие, которое остается уравновешенной силой против политического насилия, будет всегда на грани насилия. Как только политическое насилие, против которого выступает антифашистское действие, ослабнет, сила антифа увеличится. И это приведет к насилию со стороны антифа.

Противодействие нацистскому насилию должно заключаться в противодействии сил. Если нацисты начинают убивать, то человек должен иметь полное право на отражение таких

актов нападения.

Антифашистское действие должно идти от противодействия политическому насилию к противодействию любому насилию, к социальной борьбе. Антифашистское действие должно быть не организованным отпором группы или сообщества людей, а индивидуальной возможностью применения физической силы, взаимодействием между разными индивидами, при этом создается коллективный отпор в виде отпора множества индивидуумов.

Пока антифашистское действие не станет одной из форм, разрушающей монополию государства на применение физической силы, оно будет оставаться политическим и не имеющим развития в будущем.

От политического противодействия насилию – антифашистской борьбы к повседневному противодействию насилию в обществе – социальной борьбе.

Стоит понимать и уяснить, что физическая сила остается одним и тем же в любой ситуации. Насилие – это та же физическая сила, что и самооборона. Отличие состоит в том, что при насилие нет противодействия, в то время как самооборона – это противодействующая сила.

Любая самооборона может перерасти в насилие, а насилие в самооборону. Физическая сила, используемая индивидуально

множеством личностей, взаимодействующих между собой не в рамках двух конфликтующих сторон и с участием третьего лица, наблюдающим и предотвращающим в случае увеличения применяемой силы одной из конфликтующих сторон, – приблизит нас к социальному преобразованию общества и к уравновешенному и справедливому сожителству людей.

борющийся пока жив
25.01.2010, МУ

В СЕРИИ НАЦИСТСКИХ НАПАДЕНИЙ ПОГИБ САМ НАЦИСТ

12 октября 2009 года во Владивостоке закончилось судебное разбирательство по делу о нацистском нападении, в котором погиб сам нацист.

Больше года назад во Владивостоке началась серия нацистских нападений, закончившаяся трагически для самих нацистов.

24 июля 2008 года нацисты напали на посетителей местного клуба BSB, где выступала толерантная и пацифистская группа, которая осуждала нацистов и придерживалась антифашистских взглядов. В результате нападения один парень, антифашист, был доставлен в больницу с ножевым ранением. Нацист не просто нанес удар ножом уже лежащему и не сопротивлявшемуся, а прокрутил нож с явной целью серьезно повредить внутренние органы. Так как ни какие жизненно важные органы не были задеты и врачи быстро среагировали, парень остался в живых. Через два месяца, 29 сентября того же года, произошло нападение на барабанщика группы Game Over Олега (группа известна среди субкультур своей непримиримостью к фашизму). «Если для защиты от фашизма нужны кулаки, их нужно использовать» — так можно охарактеризовать позицию группы. Нападение произошло перед

концертом группы, напали сзади и били в область виска. Расчет понятен. Получив сильный удар в голову, Олег не упал, а смог убежать. Но результатом стала серьезная гематома мозга, операция не потребовалась, он пробыл около месяца в больнице. Стоит к этому добавить, что 10 октября в Москве было спланировано убийство Федора Филатова (одного из основателей Moscow Trojan Skinheads — скинхеды антирасисты) нацистами в его собственном подъезде.

Нацисты чувствуют свою безнаказанность при нападениях, так как в первом деле все покрыто мраком, и дело возбуждено не было (вероятней всего власти не хотели огласки в преддверии подготовки к саммиту АТЭС). Во втором случае не было никаких улик, свидетелей и доказательств. И спустя два месяца после 29 сентября, 22 ноября нацисты продолжили свои нападения. Они дерзко и публично (вероятней всего хотели продемонстрировать свое бесстрашие и безнаказанность) под наблюдением видеокамер решили напасть на антифашиста и анархиста Мишуткина Юрия.

Это уже было третье нападение на Юрия. Ранее он подвергался нападению в апреле 2006 года, когда около 15 нацистов напали на стоявших (около 5 человек) у входа в кафе. Юра, стоявший ближе всего к фашистам, оказал

сопротивление, после чего был доставлен в больницу с диагнозом ушиб головного мозга средней степени. 21 июля 2007 года Юра был участником экологического лагеря под Ангарском (Иркутская область), на который ночью напали нацисты. В результате чего друг Юры, Илья Бородаенко (г. Находка) погиб, а сам Юра получил травму опасную для жизни. Он выжил: неделя в реанимации, более 2 месяцев в больнице и более года реабилитации.

Зная об активности нацистов во Владивостоке и сам неоднократно подвергаясь нападениям, Юра предпочитал с собой носить для самообороны нож, который 22 ноября 2008 года и сохранил ему жизнь.

22 ноября, возвращаясь с работы, на выходе из автобуса он заметил за собой двух человек, хорошо подпитых и одетых естественно в традициях футбольных фанатов/хулиганов. Заподозрив неладное, Юрий постарался пойти к людному месту. Рядом с остановкой в метрах пяти находился «Гипермаркет». Но нацисты, пойдя следом за Юрой, не постеснялись, ни видеокamer, ни посторонних людей и напали на него. Обороняясь, Юра нанес каждому по ранению, в результате: первый нацист Музыкаченко Илья отделался ранением в руку и, скрываясь с места происшествия, по своей пьяной глупости спрыгнул с высокого парапета,

сломав себе две ноги (результат — инвалид на всю жизнь), второй нацист Плясов Алексей был ранен в область сердца и так же, скрываясь с места происшествия, в метрах десяти от места нападения упал и спустя 30-40 минут скончался на месте от потери крови.

Первоначально следствие возбудило против Юры ст. 105 (преднамеренное убийство). Но наличие видеокамеры, где видно, что двое начинают первыми наносить удары, следствие остановилось на ст. 108 (убийство при превышении самообороны).

9 октября (пятница) с перерывом до 12 октября (понедельник) 2009 года, спустя два года с того, как Юра перенес серьезную травму после нападения нацистов (21 июля 2007 год), состоялся суд, который признал Юру виновным в превышении самообороны, в результате которой погиб человек. Прокурор требовал 1 год и 4 месяца колонии с 1 годом условного срока. Чудом выжив после нападения нацистов, он был правосудием приговорен к ограничению свободы и условно осужден с испытательным сроком на 2 года за то, что он не позволил очередной раз подвергнуться избиению со стороны расистов.

Стоит отметить в Юрином деле то, что его действия признали как превышение самообороны, но принимать заявление о нападении нацистов на него не хотят до сих пор

ни следователь, ни мировые судьи. Очень странная в России закономерность: официальные источники правопорядка, высшие чины, заявляют о том, что стоит относиться серьезно к преступлениям на почве национальной вражды, но как только дело касается нацистов и их преступлений, то следователи и другие правовые органы игнорируют все факты.

А есть существенные доказательства того, что Плясов Алексей был лучшим другом Барзаницы Павла. Свастик, так больше известен Барзаница, отличился тем, что фигурировал во всех уголовных делах, касаемых совершения преступлений нацистами во Владивостоке и мало того считается, что именно он являлся главным подозреваемым во всех делах (по общей информации именно Барзаница (Свастик) нанес ножевое ранение 24 июля возле клуба BSB), но каким-то чудом он всегда избегал наказания. Возможен факт сотрудничества с правоохранительными органами. Никто, конечно, не несет ответственность за преступления друзей, если не одно обстоятельство.

В 2006 году по первому нападению на Юру главным фигурантом уголовного дела был Барзаница (Свастик) и тогда ему реально грозил серьезный срок, так как он уже успел отметиться в убийстве жителя Кореи. Но по каким-то обстоятельством уголовное дело 2006 года было

приостановлено из-за недостачи улик. Но именно Барзаница, тогда заявлял Юре, что будет мстить и преследовать. Удивительное совпадение, что на Юру нападал лучший друг Барзаницы — Плясов. Следователи опустили тот вариант, что у Плясова был мотив нападать на Юру, месть за своего лучшего друга. Связь Барзаницы и Плясова проходит и в деле о превышении самообороны: характеризуя тот вечер один из знакомых Плясова, заявил, что именно Барзаница поднимал «панику» по поводу пропажи Плясова.

Так же Юра до сих пор не дал интервью или какие-либо свои объяснения происходящему, все только в рамках официальной версии. Вероятней всего на это есть весомые причины. Он всегда ссылался на то, что он не будет об этом говорить и «мешать следственному делу», как он мог помешать следствию, выразив свою позицию?

Да и то обстоятельство, что нацисты нападали, несмотря на то, что от них защищались ножом, свидетельствует о более серьезных намерениях относительно жизни Юры. И как отмечает практика, нацисты действовали с расчетом сбить Юру с ног, это свидетельствует нанесение всем телом удара в живот (центр тяжести тела) и попытки Плясова свалить Юру, хватая его за одежду. Расчет шел на то, чтобы уже лежачего избить и, когда Юра не смог бы сопротивляться (как в деле 24 июля 2008 года

возле клуба BSB), нанести ему «неизвестным» предметом ранения. Есть предположение, что следствие предпочло удалить какие-либо предметы, которые могли помешать их версии возбуждению уголовного дела по тяжкой статье.

На суде было выяснено и то, что их было не двое, а больше. Один из них проходил по делу как свидетель, который является так же нацистом, вышел следом за двумя нацистами и проследовал за ними, но предпочел пройти дальше и стать в стороне. Опущен тот факт, что в автобусе ехало больше нацистов, и вероятней всего как минимум двое стояло возле остановки. По всей разумности, спастись от человека с ножом, это забежать в магазин и позвать охрану, но нацисты сделали все наоборот, они предпочли бежать к остановке и во дворы, где им было бы проще затеряться. Эти всплывшие обстоятельства только свидетельствует тому, что Юре действительно угрожала большая опасность.

И что первоначальные действия следователей были направлены именно на выстраивание убийства, удаляя не подходящие факты. И стоит отметить, что видеонаблюдение магазина являлось главным свидетелем, против которого следователи не пошли.

Становится не понятно и то, что следователи на месте происшествия сразу изъяли видеозапись наблюдения. Но при этом Юру продержали всю

ночь, оказывая физическое и психологическое давление, в результате которого конвой его отвозил в больницу, где врачи не смогли оказать существенную помощь, кроме обезболивающего укола. Таким же образом потом исчезла и справка об этом факте.

Становится явным стремление правосудия в преднамеренных преувеличениях уголовной ответственностей касаясь дел, где фигурируют антифашисты. Примеры: «8 мая 2009 года Куйбышевский районный суд С-Петербурга приговорил антифашиста Алексея Бычина к 5 годам лишения свободы по статье 111, ч. 3 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью двух и более лиц). В драке, которая случилась в ночь с 12 на 13 июня 2008 года, Алексей Бычин использовал нож в ходе самообороны от двух нацистов, которые до этого прогуливались по Невскому проспекту, вскидывая руки в нацистском приветствии и выкрикивая "зиг хайль". Алексей нанёс ножевое ранение одному из них, после чего фашисты быстро скрылись. Впоследствии оказалось, что один из них — сотрудник МВД. 18 июля 2008 года Алексей был арестован и взят под стражу».

«14 мая 2009 года было оглашено решение Вахитовского суда Казани, антифашисту Валееву судья дал 4 года реального срока, Терегулову 2 года и шесть месяцев условно. 12 ноября 2008

года в Казани произошла стычка между антифашистами и неонацистами, где антифашист, защищаясь и отбиваясь от нападения нацистов, нанес ножевое ранение».

21 апреля 2009 года в Таганском суде Москвы был вынесен приговор антифашисту Алексею Олесинову по статье 213 ч. 2 УК РФ («хулиганство, совершенное группой лиц») один год колонии. Это было полностью сфабрикованное уголовное дело, в основе которого была опасность Алексея в том, что он антифашист, хотя ни какой телесной травмы и материального ущерба не было нанесено и в уголовном деле не фигурировало.

Так же репрессивные действия были против антифашистов Ижевска 2008-2009 год с фабрикацией уголовных дел.

Исходя из того, что Юрин срок ниже, чем показывает статистика репрессий против антифашистов России и то, что Юрино уголовное дело правоохранные органы не смогли оформить как тяжкое преступление, это все равно не противоречит общепринятой правоохранительной деятельности относительно антифашистов. При всех обстоятельствах деятельности нацистов и опасности, которая исходит от них для общества, Юра признал полностью вину по ст. 108 ч.1, убийство при превышении самообороны.

Если суд и правовая система осудила Юру, то мы автономные антифашисты интернациональной сети Антифашистское Действие город Владивосток (думаем, другие города присоединятся) полностью оправдываем действия Юры и считаем, что он действовал правильно и в меру исходящей для него опасности. И надеемся, что его действия послужат для нас всех примером.

Мы сожалеем, что многие наши товарищи погибают чаще всего не из-за мастерства нацистов, а из-за глупости и наивности антифашистов.

Физический ответ и противостояние нацистам противодействует им. И нацистам стоит понять, что мы не будем призывать к мести, к расправе и убийствам нацистов, мы не будем их выслеживать, чтоб убивать или нанести вред опасный для жизни. Но они должны понимать, что они сами себе роют могилу. Они сами придут за своей смертью, и здесь нет вины самообороняющихся антифашистов.

Потерпевшие нацисты неустанно галдят об убийстве преднамеренном. Естественно, ведь это дело явно угрожает дальнейшим перспективам развития фашистского террора. Самооборона делает фашистский террор не эффективным орудием нацистов. Спасая свой фашистский террор от провала, они стремятся, чтоб

государство давало максимальные сроки тем людям, которые будут оказывать достойное и правильное сопротивление фашистскому террору. Не имея никаких фактов, доказывающих убийство, они все равно свято верят в это.

Стоит закончить Юриными словами: «Только живому можно помочь, мертвому ничем не поможешь!»

P.S. Деятельность нацистов привела к смерти самого нациста. Людям не остается ничего другого, как защищать себя на месте и предотвращать преступные действия своими силами.

Антифашистское Действие — Владивосток

АПОЛИТИЧНЫЙ АНТИРАСИЗМ

В последние годы в российском антифашистском движении четко прослеживается нездоровая тенденция оттока кадров. Причины сложившейся ситуации в каждом случае примерно одинаковы. Активисты разочаровываются в плодах своей деятельности: количество нацистов в результате физического противостояния им на улицах не уменьшается, а само движение находится в стагнации, в связи с отсутствием новых идей и тактик. Возникает историческая необходимость эволюции антирасистских инициатив.

Определение слова «антифашист» может дать даже ученик начальных классов, чей прадед воевал в Великой Отечественной Войне. Антифашист — это человек, выступающий против фашистской идеологии, а также любых организаций и государств, построенных на идее превосходства одной нации над другими. Стоит разделять следующие понятия: антирасизм как часть гражданской позиции и мировоззрения, и антифашизм как часть политического движения. Образованный здравомыслящий человек не может принять антигуманную идеологию, основанную на диктатуре капитала и зоологической ненависти. Следовательно, даже член общества, который не задумывается о том, какие политические взгляды ему импонируют, но

который, в то же время, выступает против ультраправых взглядов, так или иначе, является антифашистом.

Напротив, политически окрашенный антифашизм присутствует среди огромного числа левых идеологий. Например, анархический интернационализм является полной противоположностью идеям радикального национализма. Либертарные активисты реально смотрят на вещи и осознают опасность становления фашистской диктатуры. Формы борьбы обычно принимают два вида — информационное и физическое противостояние.

Многие люди, придерживающиеся националистических взглядов, не понимают, что именно толкает молодых ребят на физическое противостояние приверженцам идей национал-социализма и расовой стратификации, существующим в современной России, как бы это парадоксально не звучало. Они считают, что у современных противников их идеологии нет своих контрмер и предложений по улучшению жизни общества. И в этом они отчасти правы. Антирасизм сам по себе не является самостоятельной идеологией, подкрепленной теоретической базой. При этом в антифашистском движении прослеживается четкий крен влево. Милитант, или, как их называет писатель-историк Дейв Рентон,

«профессиональные антифашисты», начинают активно заниматься анархической деятельностью и теперь идеологически могут подкрепить свои позиции в противостоянии нацистам.

В последнее время часто можно услышать о том, что те или иные люди ушли из антирасистской борьбы, разочаровавшись или найдя более интересные занятия в противовес простому насилию. Этому есть логичное объяснение. Аполитичный антирасизм берет свое начало на панк-хардкор концертах и футбольных трибунах, вокруг которых образуются объединения людей, которым безразличны идеи национального превосходства. Неприятие нацизма в таких случаях — это лишь реакция на отсутствие возможности спокойно проводить время на панк-шоу или футбольных стадионах. Таким образом, создается идеологический вакуум вокруг понятия «антифашизм».

Ключевым моментом является понимание того, что угнетение людей с другим цветом кожи является лишь следствием существования государства, которое всегда будет проводить политику лишь в интересах своих граждан и доминирующего в нем этноса. Государство заинтересовано в том, чтобы его граждане отделяли себя от остальных наций, используя понятие патриотизма и национальные идеи, а также с помощью резкого противопоставления

своей культуры другим. Капитал здесь выступает как главный союзник и инструмент существования большого разнообразия угнетений. Вывод напрашивается сам. Национализм, расизм и ксенофобия будут существовать всегда, пока будет существовать государство, которое всегда будет апеллировать к интересам своей нации. Одновременно с этим глобальная капиталистическая система будет продолжать давать благоприятную почву для неравенства и, следовательно, немотивированной ненависти. Выбив нацистов с трибун и площадок концертов, невозможно будет полностью задуть фашистскую змею и националистические настроения. Даже если это произойдет, в скором времени государство с новыми силами примется пресовать активистов, что, кстати, происходит уже сейчас. Следовательно, антирасизм без определенной политической подоплеки является лишь «видимостью борьбы со злом», светлой инициативой по сопротивлению националистическим настроениям, при выгодном бездействии и наблюдении со стороны государства.

При всем желании сделать общество более справедливым некоторые активисты, к сожалению, пренебрегают остальными аспектами социального равенства. Некоторые могут

поражать размахом обывательского мышления. Выступая всего лишь против одного из видов дискриминации, почему-то является абсолютно нормальным дискриминировать людей с другим денежным достатком, дискриминировать по половому признаку, дискриминировать сексуальные меньшинства, с насмешкой относиться к активистам, борющимся за права животных и экологию, бездумно поддерживать крупный капитал, потребляя огромное количество вещей и услуг. При этом гордо называть себя «шавками», используя ультраправую риторику, и тем самым еще больше дискредитировать движение.

Средства массовой информации сократили слово «антифашизм» до обрывочного «антифа». Это словосочетание теперь ассоциируется у молодых людей с субкультурными маргиналами, участвующими в войне с фашистскими объединениями. Естественно, что люди, вообразившие себя взрослыми авторитетами, не будут ставить различий между фашистами и антифашистами, и все это будет представлено в качестве войны молодежных группировок. Именно в таком представлении общества об антифашистах отчасти виноваты люди, которым неинтересна «остальная политическая возня». Нужно ли нам сожалеть о том, что такие ребята решают уйти из движения, «повзрослев и завязав

с детскими играми»)?

Люди, которые говорят о том, что каждый должен заниматься тем, чем хочет, подразумевая антирасистскую деятельность, глубоко заблуждаются. От осознания бессмысленности данного вида деятельности, не подкрепленной идеологией, очень быстро приходит разочарование. Здесь начинается распутье. Происходит либо радикализация взглядов и поиск решений насущных проблем в политической литературе и общественных инициативах, либо выход из движения и пассивное созерцание политических процессов в стране.

Но история движения знает и тех активистов, которые, пересмотрев приоритеты своей деятельности, не только не ушли из движения, а даже наоборот, стали вносить в него куда более весомый вклад, нежели рутинные еженедельные разбивания нацистских голов.

Александр Яблочный, бывший милитант-антифашист:

Это случилось около 6 лет назад. Я был под впечатлением о книг Эриха Фромма. Мне определённо не нравилось, что происходило в мире, однако мои политические взгляды еще не оформились до конца. Помню, как мой знакомый старшекурсник Никита рассказывал об антифашистах, в ответ я скептически качал

головой и ухмылялся. Через некоторое время мне захотелось действия, я стал активно писать на знаменитый форум antifa.ru под ником «Гражданин». Там я встретил молодых леваков всех мастей, хотя antifa.ru позиционировал себя в качестве «аполитичного ресурса». Моя первая встреча с антифашистами состоялась на первомайской демонстрации, в которой принимали участие члены более «красного» портала antifa.p0.ru . До сих пор вспоминаю, как я дрожащими руками надел повязку на лицо, и какой-то старый коммунист вступил со мной в дискуссию. Ребята из колонны АКМ подумали, что я провокатор, но потом меня узнал администратор antifa.p0.ru и отвел в сторону.

Я стал вникать в тонкости антифашизма. Оказалось, что мой новый знакомый был коммунистом неопределённой тенденции, а Никита — анархистом. Я хотел их познакомить между собой для того, чтобы мы сколотили боевой объединённый моб. Сначала дела шли худо — они никак не могли преодолеть межфракционную грызню. Потом они сдружились, нам удалось провести несколько собраний. Мы стали акционировать.

Я помню свою первую драку. Мы дали пизды какому-то чуваку, подозрительно смахивающего на бона, прямо на эскалаторе метро «Проспект Мира». Я помню, как я

волновался, как мы с товарищем никак не могли решиться, чтобы подойти к нему. Мы шли за ним по переходу, он вдруг закричал: «Погнали, блядь!». Я прыгнул ногами вперед — парень покатился по металлическому полотну и закрылся руками. Мы били его, ругаясь матом. Убежали. Помню, что я испытал тогда катарсис. Мне казалось, что теперь мне всё нипочём.

Потом пошли антифашистские будни. Мы часто выезжали мобом, чтобы найти хоть кого-нибудь и избить. Часто эти праздные шатания не заканчивались ничем, тогда мы решали «сгонять на ЧП». Там часто тусовались алкоголиганы, которые огребали благополучных пиздюлей. К этому времени я познакомился с «основой», стал ходить на хардкор-концерты. Это было чудесное время молодости, драк, секонд-хендов, где мы палили фирменные шмотки, сырого хардкора. Честно говоря, я даже и не помню, что было в моей голове, о чём я думал и мечтал. У меня была девушка из «обычных, которые не в теме». Я рассказывал ей обо всём. Как-то я серьёзно задумался о схе, рассказал ей о своём решении бросить курить и пить. Она не поняла. В конце концов мы расстались — я был слишком «идейным» для нее. Да и моя прическа «пятка-крыска» (мода на которую пришла позднее), ей и её отцу не нравилась.

Где-то раз-два в неделю мы устраивали

целенаправленные налеты на бонов. У нас появились свои скауты-девочки, которые отзванивали нам и сообщали оперативную информацию. Надо сказать, боны постоянно отхватывали по полной, на моей памяти не было ни одного случая, когда нас погнали или опрокинули. Впрочем, их всегда было больше, поэтому мы всегда действовали, как группа сумасшедших диверсантов. Мне удалось поучаствовать нескольких крупных акциях: «Битва у Точки», «Прыжок на Формат-18 в метро», «Люли для СWT», «Побоище на Бауманской». В то время мы дрались только руками, говно считалось чем-то излишним и вредным. Потом антифашисты стали массово скупать «Удары», я тоже купил его, пару раз даже пускал в дело.

Постоянно среди аполитичных антирасистов я встречал особенных людей, отмеченных печатью левачества. Красные мне сразу разонравились из-за близости к АКМ, а других толковых социалистических молодежных партий не было. А анархисты меня заинтересовали. Постепенно я набирался опыта, наблюдая за происходящим. Вырисовывалась структура: вот чёрные, вот красные, вот основа, вот хардкор, вот музыкальные группы. Эти точки образовывали сферы влияния, которые пересекались между собой. Вот и вся материя антифашистского

движения.

Летом 2006 года я случайно попал на Соцфорум, посвященный подготовке к антисаммиту G8 в Питере. С этого момента и началось моё крепкое сотрудничество с анархистами. Всё было новым и удивительным. Я поражался стройности теории, работе самоорганизованных коллективов, поразительным личностям, которых очень много в нестройных анархистских рядах. Конечно, важное значение сыграла анархистская субкультура, умеющая притянуть нужных людей. После бурных событий G8, я вступил в черно-красные отряды бойцов с мировой несправедливостью.

Через полтора года я начал осознавать реальное положение дел в движении. Чем больше я понимал, тем дальше отталкивался от «аполитичного антирасизма». Много изменилось. Мы пребывали в бодром состоянии духа, осознавая свою благородную роль борцов с фашизмом. Если убийство Тимура мы воспринимали, как невероятную жестокость, которая никогда не повторится, то убийство Саши Рюхина всё расставило на свои места. Было ясно, что нацисты намерены дальше двигаться по пути радикализации к политическому терроризму. Драки стали жёстче. Боны ввели поголовную моду на ножи, теперь каждый

антифашист рисковал получить перо в печень во время прыжка. Мы наткнулись на стену, которая росла всё выше и выше. В ответ на наши укусы, нацисты только озлоблялись. Конечно, для них существовала опасность «отхватить по щам от антифаков», они больше себя не чувствовали вольготно на улицах, ведь теперь появилась сила, которая, как выражался Толстой, готова «гвоздить до тех пор, пока не погибнет всё нашествие». Нацисты нас боялись, но количество этого страха никак не перерастало в качественные изменения. Мы пиздили их, они снова появлялись, мы пиздили их, но они возвращались с ножами в карманах.

Мне стало ясно, что мы не можем тягаться с ними в силовом противостоянии. Даже продуманные тактические акции не могли нанести им существенного урона. Тем более, мечтать о решающем сражении, вроде Battle of the Cable Street, мы не могли. Нас было слишком мало. Мы не готовы были убивать. Структурные перестановки в мобах тоже ни к чему не привели. Движение должно было найти ответ на «вызов истории», но вместо этого молодой колосс в мартенах и черно-красном берете топтался на месте. Никто не мог предоставить новую стратегию развития, либо повернуть гиганта в нужном направлении. Попытки увеличить своё влияние в медиапространстве не дали

необходимых результатов. Мы даже не могли четко обозначить свою позицию в прессе, ведь аполитичные антирасисты, которые составляли большинство, просто не имели идеологической базы для этого. Увеличение количества музыкальных групп и расширение границ жанров привело к тому, что мы стали вариться в собственном соку, который грозился застыть и превратиться в студень. Единственный негласный ответ — насилие в ответ на насилие — стал для меня неприемлемым. Я с головой ушел в анархизм.

Кажущаяся гибкость «аполитичной позиции» обманчива. Отрицая левые тенденции, к которым они, безусловно, тяготеют и связаны химически, нейтралы теряют возможность для исторического маневра. Не сумев вовремя распознать угрозы, движение остановилось в буквальном смысле, вернувшись к состоянию 2006-2007 года.

Естественно, мне бы очень хотелось, чтобы потенциальные левые вслушались в слова товарищей. Бесконечные потоки пропаганды о непоследовательности антирасистской (в противовес антифашистской) аполитичной позиции, необходимости узреть истинного врага в лице капитала и государства встречают только скептические ухмылки. Ухудшение политического климата изменит ситуацию. Я

уверен, что вскоре многие нейтралы смогут изыскать в себе пассионарный потенциал и метнутся налево. Последние тенденции только подтверждают это. Хочется привести в качестве иллюстрации новую книгу-манифест «Исход», ставшую катехизисом для людей нашего сорта. Думаю, что она станет поворотным моментом в новой истории российского движения антифашистов. Точнее, её исходом, креном влево.

Надеемся, что вышеприведенный текст поможет молодым ребятам найти дальнейшую мотивацию в их нелегком сопротивлении несправедливости. Истина познается в борьбе.

*Владимир Колыхалов
специально для Антифа.Ру*

Экземпляр, который вы держите в руках, может быть напечатан в анархистской типографии, офисе какой-нибудь тур-фирмы, у кого-то дома или на сквоту. Мы будем рады, если вы распечатаете несколько штук и распространите среди друзей, отнесёте в ближайший книжный магазин или раздадите на очередном пикете.

Также хотелось бы напомнить, что на производство бумаги, красок и оборудования затрачивается огромное кол-во природных ресурсов и человеческого труда. И чем бережней выбудете относиться к вещам - тем будет лучше для всех.

Мы желаем вам удачи в акциях прямого действия, проведении митингов, раздаче еды нуждающимся и прочих хороших делах. Независимо от того, какую тактику вы выбрали в борьбе с властью и капиталом за лучшее будущее - мы всей душой с вами.

<http://goodbooks.noblogs.org>

